

colloquial and bookish speech, the use of etiquette formulas and appeals, interrogative and exclamatory sentences, etc. Russian culture.

Keywords: epistolary genre, epistolary specifics, «Letter to the Chinese», L. N. Tolstoy.

Ю. Н. Александрова

(научн. руководитель Н. В. Пращерук)

Уральский федеральный университет,

Екатеринбург, Россия

Стилевое своеобразие писем в историческом романе: на материале романа Вс. Соловьева «Сергей Горбатов»

Аннотация. В статье рассмотрено стиливое своеобразие писем в историческом романе. Авторский стиль базируется на двух стилиевых принципах: свободный и имитирующий (В. В. Виноградов). Свободный стиль в большей степени характерен для русского исторического романа. Письма персонажей при таком стиле отражают образ эпохи, а также являются речевой характеристикой персонажа, принадлежащего данной эпохе. В качестве примера в статье приводится анализ двух писем из романа Вс. Соловьева «Сергей Горбатов».

Ключевые слова: письмо, стиль, исторический роман, образ эпохи, речь автора, речь персонажа.

Исторический роман воспроизводит в художественной форме какую-либо эпоху. Автор исторического романа использует разные приемы для наиболее близкого к реальности изображения прошлого. Здесь большое значение имеет стиль. В. В. Виноградов в статье «Из истории стилей русского исторического романа» пишет о том, что авторский стиль романиста базируется на двух стилиевых принципах: свободный и имитирующий. Свободный принцип предполагает «независимость авторской речи от речи персонажей» [Виноградов 1958: 121]. Авторский язык не воссоздает реалии прошедшей эпохи, автор говорит языком, который близок и понятен его современникам (например, романы и повести Марлинского, отчасти Загоскина, Лажечникова и др.). Имитирующий принцип предполагает приближение к языку, на котором говорили раньше, не только в речи персонажей, но и в авторской речи. Такие романы близки к документальным очеркам (например, романы Вельтмана). Свободный принцип в большей степени характерен для русского исторического романа [Виноградов 1958].

Иллюзия правдивого изображения времени создается с помощью соответствий речевой семантики национальным типам и положениям, быту и эпохе. Действительность воссоздается автором исторического романа в соответствии с ее культурным стилем [Виноградов 1958].

Описывая жанровые особенности исторического романа, мы обратили внимание на значимую роль писем. В структуре повествования они встречаются часто, и в каждом из романов играют специфическую роль: это и письма дипломатического плана (С. Полежаев «Бирон и Волынский»), и письма с фронта (Р. Зотов «Два брата, или Москва в 1812 году»), и письма друзьям или членам семьи (Вс. Соловьев «Хроника четырех поколений»), и письма возлюбленной (И. Лажечников «Ледяной дом»). Цель нашей работы – рассмотреть стиливое своеобразие писем в историческом романе на материале романа Вс. Соловьева «Сергей Горбатов».

Роман «Сергей Горбатов» является первой частью «Хроники четырех поколений». Перед нами история семьи Горбатовых, описанная с конца XVIII века до пореформенного времени в XIX веке. История семьи рассказана молодым дворянином, который нашел в старинном доме тетрадки – «отрывки воспоминаний разнообразно и интересно проведенной

молодости» [Соловьев 2019: 10]. Именно они являются важным материалом для рассказа истории семьи.

Несмотря на то, что перед нами фигура человека, который пишет историю семьи, мы не сталкиваемся с прямыми обращениями к читателю или с возможными лирическими отступлениями, которые могли бы нас вернуть в XIX век. Мы, напротив, постепенно забываем о том, что существует человек, который пишет эту историю. Повествователь мог бы нам дать прямые цитаты из найденных тетрадок, но он пишет историю сам, замечая: «Между нами уже нет тайны – он [хозяин тетрадок] сам открывает мне свою душу и рассказывает жизнь свою» [Соловьев 2019: 10]. И именно так продолжается рассказ: повествователь видит, как скачет всадник, как он встречается с девушкой, затем мы узнаем историю всадника, узнаем о том, что всадник и есть Сергей Горбатов; повествователь постепенно раскрывает нам историю юноши, который уехал из дома, до его возвращения, со всеми деталями и подробностями, о которых сам Сергей знать не мог и явно не писал в тетрадках. При этом повествователь пользуется языком, понятным для читателя XIX века. Мы можем это заметить, сопоставив стиль писем персонажей со стилем повествователя.

Письма в тетралогии являются основной связью между родственниками и друзьями. Например, в романе «Сергей Горбатов» главный герой уезжает из дома после письма от родственника из Петербурга и на протяжении всего романа пишет письма домой, в Таганрог, и получает ответы на них от матери и возлюбленной. Именно через письма читатель вместе с героем узнает о событиях в доме Горбатовых, о несчастьях возлюбленной Сергея или же, наоборот, о том, что у Сергея случилась беда. Таким образом, письма помогают раскрыть историю не только одного члена семьи, но и всей семьи в целом.

Примечательно, что полный текст писем в романе представлен только в двух письмах: письмо родственника из Петербурга, после которого Сергей уезжает из дома, и письмо воспитателя Сергея, в котором сообщается о случившейся беде. Все остальные письма даются или отрывком, или в пересказе повествователя.

Рассмотрим первые письма Тани, возлюбленной Сергея, которая пишет ему из дома. Эти письма даются в пересказе: «Таня писала о своих занятиях, передавала ему содержание только что прочитанной ею книги, говорила ему о матери и сестре, о любимых лошадях, даже о погоде» [Соловьев 2019: 111]. Указание на то, что в письмах Тани «не было ни страстных признаний, ни сентиментальных вздохов» [Соловьев 2019: 111], заставляет вспомнить сборник образцов документов «Наставления, как сочинять и писать всякие письма к разным особам», изданный в 1769 году. Примеры любовных писем в нем действительно сентиментальны: «Государыня моя! Хотя любовь моя многократно в трепет меня приводила, предвидя, какую муку приключит мне Ваше отсутствие *однако ж ужасное воображение, которое мне оно причиняло, несравненно с теми страхами, кои я ныне претерпеваю*» [Наставления: URL]. Письма Тани простые по стилю, в них нет неприкрытого томления, вздохов, плача или нескрываемой печали, какими могли бы быть любовные письма конца XVIII века. И повествователь на это отличие указывает, раскрывая через письма и характер героини. Таня отличается от светских девушек, с которыми знакомится герой в Петербурге. Она рано потеряла родителей, тетья, у которой она живет, не балует ее вниманием. Таня – девушка из провинции, а потому не проводит вечера на балах, она помогает по дому, спасает крестьян от гнева своей тети. Поэтому и ее письма к Сереже, которого она любит, сложно назвать собственно любовными письмами, хотя, читая их, Сережа чувствует «*всю ее нежность к нему, всю ее любовь*» [Соловьев 2019: 111]. Указание повествователя на непохожесть писем Тани на письма возлюбленных XVIII века тем не менее отсылает нас к веку сентиментализма.

Здесь примечательно сравнение с отрывком из письма Тани, в котором девушка сообщает о болезни матери и о своих трудностях. В интонации девушки появляются эмоции, что подчеркивается предложениями с восклицательными знаками: «Доктора уверяют, что Бог милостив – а кто же ведь знает!» [Соловьев 2019: 194]; «Но не одно это горе у меня, друг мой, Сережа!» [Соловьев 2019: 194]; «Понадеялась вот, было, на свои силы!»

[Соловьев 2019: 194]. И здесь же впервые девушка пишет о том, что ждет приезда Сергея: «Как бы знал ты, как ты мне теперь нужен!» [Соловьев 2019: 194]; «Ради Создателя, голубчик мой, ответь мне, скоро ли едешь» [Соловьев 2019: 194]. В словах Тани ощущается тревога, нетерпение. Ей тяжело далось расставание с Сергеем, но она не жаловалась до того момента, пока не случилось горе, о котором она прямо не говорит, но и Сергей понимает, что девушке действительно нужна помощь. Вместе с тем мы видим, как нежна Таня. Про мать Сергея она пишет «добрая твоя матушка», к Сергею обращается – «друг мой», «голубчик мой». Это письмо эмоциональнее предыдущих, поэтому повествователь приводит этот отрывок, но даже в нем Таня не опускается до сентиментальных причитаний.

Из писем, данных в пересказе, мы видим только то, о чем пишет девушка своему возлюбленному – о своей повседневной жизни. В отрывке из письма там, где повествователь мог бы написать «она говорила ему о матери и сестре», Таня пишет «добрая твоя матушка и Елена» [Соловьев 2019: 194]. Повествователь в пересказе нейтрален, стиль его подчеркнута прост, но и стиль Тани прост, но прост именно в сравнении с письмами XVIII века. По строению предложений («стал, было, лечить, да ей только хуже сделалось» [Соловьев 2019: 194]), по использованной лексике («коли Бог даст», «кабы знал ты») мы ощущаем стиль, который отличается от стиля повествователя и кажется более устаревшим.

Обратимся к письму Льва Нарышкина, родственника из Петербурга, который пишет Сергею в начале романа. Это письмо важно рассмотреть в сравнении с настоящими письмами из XVIII и XIX века. В таблице ниже (Таблица 1) приводим письмо П. А. Соймонову от И. А. Крылова 1789 года [Крылов 1946] и письмо Л. Н. Толстому от Н. Н. Миклухо-Маклая 1887 года [Миклухо-Маклай 1972].

Письмо Льва Нарышкина Сергею Горбатову	Письмо И. Крылова	Письмо Л. Толстому
<p>Любезный племянник.</p> <p>Письмо ваше с горькою вестью о внезапной кончине дорогого моего друга, а твоего отца, Бориса Григорьевича, я получил и о чем вы писали мне, о ваших пензенских вотчинах, велел навести справку и на сих днях отвечу вам в точности. Также и матушке вашей, Марье Никитишне, со следующей почтой письмо посылаю. Теперь спешу отписать тебе, любезный племянник, о некоем обстоятельстве, до тебя касающемся: вчерашнего числа вечером был я у Государыни на эрмитажном собрании, и Ее</p>	<p>Ваше превосходительство, милостивый государь!</p> <p>И последний подлец, каков только может быть, ваше превосходительство, огорчился бы поступками, которые сношу я от театра. Итак, простите мне, что я, имея благородную душу, осмеливаюсь покорнейше просить, чтобы удостоили открыть мне причину, которая привлекает на меня ваш гнев, толико бедственный для моих драматических сочинений.</p> <p>В 1786 году я написал оперу «Бешеная семья», которую, по приказанию вашему, г. Деви, камер-музыкант, положил на</p>	<p>Ваше Сиятельство, глубокоуважаемый граф Лев Николаевич!</p> <p>Позвольте искренно поблагодарить вас за письмо от 25 сентября, и вместе с тем прошу простить, что только теперь отвечаю на него.</p> <p>Письмо не только было для меня интересно, но результат чтения его повлияет немало на содержание книги о моих путешествиях. Обдумав ваши замечания и найдя, что без ущерба научному значению описания моего путешествия, рискуя единственно показаться некоторым слишком субъективным и говорящим</p>

<p>Императорское Величество подошла ко мне, спросить изволила: «Правда ли, что Борис Григорьевич скончался?» И когда я отвечал, что правда, то Государыня поинтересовалась узнать, какова его фамилия, справилась, сколько тебе лет и, узнав, изволила покачать головою и улыбнуться: «Странно молодому Горбатову сидеть в деревне – ничего там не высидит. Отпишите ему с предложением приехать в Петербург и представьте его мне – я желаю с ним познакомиться». Таковы подлинные слова Монархини, и из тона их видно все оной к тебе доброжелательство. Еще в бытность мою у вас в Горбатовском, четыре года тому назад, упрашивал я покойного отца твоего и о том же писал ему многократно, чтобы он прислал тебя в Петербург, где ты можешь и на службе Ее Императорского Величества и в обществе занять подобающее твоему происхождению и состоянию место, но покойник имел на сию материю свой взгляд. Ныне ты уже в таком возрасте и по обстоятельствам можешь располагать сам собою. Вряд ли твоя почтенная матушка захочет тебя отговаривать. Если есть какие дела в деревне, то обделай их скорее и отпиши мне немедленно. Пребываю в полной благонадежности, что благоразумие твое не позволит тебе отказаться от милостей государыни,</p>	<p>музыку; в том же году отдал я на театр комедию «Сочинителя в прихожей», и в том же году ваше превосходительство препоручили мне перевести с французского языка оперу под названием «L'infante de Zamoga», которая имела счастье понравиться вашему превосходительству. Сия опера упала на французском театре, и следственно, также и на русском, ибо добрый вкус у всех просвещенных народов один, а драма, в которой нет толку, и парадис зевать заставляет.</p> <p>Ваше превосходительство удостоили своего внимания мое перо; я получил билет для входа в театр и лестное обещание, коим милостиво ободряете вы многих авторов, что не останутся без награждения труды для театра. Почитая непременно слова вашего превосходительства, продолжал я мои труды: но ныне, видя совсем тому противное и заключая, что перемене ваших слов, конечно, причиною какие-нибудь глупые и злые клеветники, ибо я не осмеливаюсь подумать, чтобы ваше превосходительство сами переменили свое слово, и не осмеливаюсь также назвать умными клеветников, которые могли очернить меня в мыслях вашего превосходительства, когда я с своей стороны не подал к тому никакой причины, – заключая сие, говорю я, осмеливаюсь вам объяснить мою невинность перед вами и притеснение, какое</p>	<p>чересчур много о собственной личности, я решил включить в мою книгу многое, что я прежде, до получения вашего письма, думал выбросить. Я знаю, что теперь многие, не знающие меня достаточно, читая мою книгу, будут недоверчиво пожимать плечами, сомневаться и т. д. Но это мне все равно. Для того, чтобы мотивировать, почему мне пришлось сделать мой рассказ более длинным, вы, надеюсь, позволите мне в одном из дополнений к 1-му тому моей книги напечатать несколько выдержек из вашего письма, т. к. мне невозможно будет объяснить более кратко и просто причину, заставившую меня вставить несколько эпизодов, характеризующих мои отношения к туземцам, т. к. я убежден, что самым суровым критиком моей книги, ее правдивости и добросовестности во всех отношениях буду я сам.</p> <p>Разумеется, я не буду возражать на ваши нападки на науку, ради которой я работал всю жизнь и для которой я всегда готов всем пожертвовать.</p> <p>Через несколько дней я еду в Сидней; буду назад в мае. Летом или осенью, дорогою в Киевскую губернию, заеду к вам в Ясную Поляну.</p> <p>С глубоким уважением посылаю, непрошенный, мою фотографию в обмен на Вашу, которую, если можно, пришлите до 8-го</p>
--	---	--

которая есть истинная мать всем нам. Ожидая скорого вашего ответа, остаюсь тебя любящий Лев Нарышкин.	наносится мне от театру. <...> милостивого государя вашего превосходительства всепокорнейший и преданный слуга Иван Крылов.	февраля. М.-М.
--	---	-------------------

Таблица 1

Сопоставив письмо Нарышкина из романа с письмом И. А. Крылова, мы нашли следующие общие черты: использование составных глаголов («спросить изволила», «поинтересовалась узнать» – у Нарышкина; «осмелюсь просить», «имела счастье понравиться», «удостоили открыть причину» – у И. А. Крылова), использование указательного местоимения «сей» («на сих днях» – в романе, «сия опера» – у И. А. Крылова) и «оный» («из тона их видно все оной к тебе доброжелательство» – у Нарышкина; «но оных имен не упомяну» – у Крылова). Однако даже на первый взгляд письмо И. А. Крылова воспринимать труднее: кроме упомянутых составных глаголов, можно найти «неудобные» формы склонения (например, «привлекает на меня ваш гнев», «отдал я на театр комедию», «билет для выходу»), которых нет в письме Льва Нарышкина, как и в письме *Н. Миклухо-Маклая*.

Сопоставив письмо Льва Нарышкина с письмом Н. Миклухо-Маклая, мы не нашли каких-то общих черт и особенностей стиля. Так, письмо Льва Нарышкина по стилю ближе письму И. А. Крылова. Очевидна стилизация писем в романе «Сергей Горбатов» под стиль писем XVIII века, такая стилизация позволяет из конца XIX века воссоздавать эпоху конца XVIII века.

Таким образом, письма в историческом романе отражают эпоху, которая представлена в романе. Автор, избирая для себя свободный принцип авторского стиля, невольно ставит перед собой задачу изобразить прошедшую эпоху средствами современного ему языка. Так, прошедшая эпоха приближается к современности писателя, а чтобы передать колоритные особенности изображенной эпохи, автор стилистически воссоздает эпоху. Большое значение здесь приобретет роль писем и их стилистика. Мы сравнили авторский стиль со стилем письма Тани в романе «Сергей Горбатов» и отметили, что речь Тани отличается от речи автора. Сопоставив письмо Льва Нарышкина из романа Вс. Соловьева, мы заметили, что письмо персонажа стилистически близко письму И. Крылова, написанному в 1789 году, что говорит о создании образа времени через стиль письма персонажа. Кроме того, письма отражают образ персонажа: Таня совершенно не похожа на девушек своего времени.

Литература

Виноградов В. В. Из истории стилей русского исторического романа // Вопросы литературы. 1958. № 12. С 120–149.

Крылов И. А. П. А. Соимонову. 1789 г. // Крылов И. А. Полное собрание сочинений: в 3 т. М. : Государственное издательство художественной литературы, 1946. Т. 3. С. 333–342.

Миклухо-Маклай Н. Н. Письмо Л. Н. Толстому // Человек с Луны: Дневники, письма, статьи Миклухо-Маклая. М. : Молодая гвардия, 1982. С. 29–30.

Наставления, как сочинять и писать всякие письма к разным особам [Электронный ресурс]. URL: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/66178-nastavlenie-kak-sochinyat-i-pisat-vsyakie-pisma-k-raznym-osobam-s-priobscheniem-primerov-iz-raznyh-avtorov-3-e-izd-1783> (дата обращения – 17.04.22).

Соловьев Вс. С. Сергей Горбатов. М. : Вече, 2019. 448 с.

Aleksandriva Yu. N. Stylistic originality of letters in the historical novel: based on the novel by Vs. Solovyov «Sergey Gorbato»

Abstract. The article considers the stylistic originality of letters in a historical novel. The author's style is based on two style principles: free and imitating (V. V. Vinogradov). Free style is more characteristic of the Russian historical novel. Letters of characters in this style reflect the image of the era, and also convey the speech characteristics of the character of this era. As an example, the article provides an analysis of two letters from the novel by Vs. Solovyov «Sergei Gorbato».

Keywords: letter, style, historical novel, image of the era, author's speech, character's speech.

А. С. Сторожакова

(научн. руководитель А. Х. Гольденберг)

*Волгоградский государственный социально-педагогический университет,
Волгоград, Россия*

Роль эпистолярного жанра в «Отравленном острове» А. С. Грина

Аннотация. Статья посвящена исследованию особенностей эпистолярного жанра на материале рассказа А. С. Грина «Отравленный остров». Повествовательная форма произведения основана на письмах-свидетельствах произошедшего на острове. Обращение к определенному жанру обусловлено желанием автора рассказать о самых ярких переживаниях героев, глубже раскрыть их характеры, а также охарактеризовать авторскую позицию, переведя ее в подтекст. Научная новизна выражается в характеристике функций эпистолярного жанра и композиционной роли писем как ядре формирования сюжета произведения А. С. Грина.

Ключевые слова: А. С. Грин, «Отравленный остров», эпистолярный жанр, письма, литература.

Эпистолярный жанр занимает значимое место в истории мировой художественной литературы. Своим появлением он обязан античному литературному творчеству. Само слово «эпистолярный» происходит от греч. *Epistole* 'письмо, послание'. Следовательно, основой данного жанра является переписка, а структурной особенностью – наличие адресанта и адресата. Периодом расцвета эпистолярного жанра принято считать XVIII и XIX вв., когда появились многочисленные повести, романы, поэмы, философские, публицистические и эстетические трактаты в письмах. Однако и в XX в. он не потерял своей актуальности, продолжая как форма повествования выполнять одну из своих главных литературных функций.

Примером произведения, повествовательная форма которого основана на письмах, может служить рассказ А. С. Грина «Отравленный остров» (1916). Это история о капитане Тарте, попавшем в бурю на остров Фарфонт, где в живых остались только мальчик и девочка лет шести-семи. Спасши детей, он принимается за расследование, в ходе которого выясняет, что все взрослые на острове покончили жизнь самоубийством, узнав за несколько месяцев до этого от Брамса, капитана другого корабля, зашедшего на остров, о Первой мировой войне и тех ужасах, которые она несет человечеству.

Ключевое место в рассказе занимают два письма, отличающиеся по форме, цели, мотивам и признакам: письмо жителей Фарфонта и письмо капитана Брамса. Эти тексты легли в основу нашего исследования.

Письмо жителей Фарфонта – одна из самых содержательных частей рассказа. Письмо, написанное на пожелтевшем от старости заглавном листе Библии, капитану Тарту